

На самом деле всё довольно просто: они хотели с помощью изобретённой ими машины обнаружить нейронное кодирование человека, а затем составить «код» для управления человеческим мышлением. Этот «код» можно передавать по всему миру через интернет, телевидение, радио, телефон и прочие средства. И тогда миллиарды людей стали бы их марионетками, подчиняясь контролю, живя или уничтожаясь по их указке.

Разумеется, Хайнц излагал свои идеи куда изящнее и приятнее для слуха, но Лин Цзыхань сам уловил суть его теории и скрытый в ней смысл, так что всё сразу стало ясно.

Они с помощью машины многократно стимулировали всю нервную систему человека, стремясь вызвать крайнюю боль, которая посылала бы в мозг более мощные сигналы, и записывали реакцию нейронов на различные раздражители. Так они пытались обнаружить в мозге сигналы, соответствующие этим ощущениям, — то самое «кодирование мыслей». Иначе говоря, «перевести» определённые нейронные паттерны в конкретные воспоминания, восприятие и схемы мышления. Затем можно было бы исследовать и создать «код», соответствующий их идеям, распространить его, чтобы он естественно встроился в мозг каждого человека, незаметно меняя мысли, не доводя до безумия. После трансформации люди оставались бы нормальными и здоровыми, не ведая, что их разум порабощён, и даже не подозревая, что на деле уже стали рабами.

Закончив свою речь с уверенностью, Хайнц усмехнулся:

— Разве это не прекрасно? Тогда общество станет предельно упорядоченным, не станет больше войн и конфликтов, голода и нищеты, мир погрузится в покой, и всё озарится светом. Вы ведь когда-то описывали коммунизм примерно так?

Лин Цзыхань молча смотрел на него и лишь спустя долгое время тихо произнёс:

— Если тот день настанет, разве тебе не будет одиноко?

Хайнц задумался с улыбкой. Он понимал, о чём спрашивал Лин Цзыхань. Если все в мире будут существовать согласно его замыслам, у него не останется ни заклятых врагов, ни искренних друзей, ни любящих всем сердцем. Почувствует ли он тогда одиночество?

В комнате стояла тишина, лишь изредка доносился смутный плеск воды. В прохладном влажном воздухе, казалось, витала аура тоски и одиночества.

Спустя некоторое время Хайнц очнулся от раздумий и с лёгкой улыбкой ответил:

— Нет. В тот момент мы станем создателями нового мира, кумирами всего человечества. Это наша цель, и за неё, конечно, придётся заплатить. На самом деле наша нынешняя жизнь такова: врагов много, друзей мало, а глупцов в мире — и вовсе невыносимое количество. Взвесив всё, я предпочту тот идеальный мир, что мы создадим.

Лин Цзыхань кивнул. Он и не надеялся убедить умного фанатика, тем более не мечтал, что тот оставит свои замыслы и мгновенно прозреет. Он лишь хотел через беседу уловить ход мыслей Хайнца, понять его образ мышления, чтобы в казалось бы обычных словах разглядеть нечто скрытое.

Подумав, он сказал:

— Ладно. Мы, китайцы, следуем принципу «сказал — сделал». Раз уж я согласился сотрудничать, то, естественно, сдержу слово. Схему эксперимента я в целом понял, но в

медицине я невежда, поэтому остались кое-какие вопросы.

Хайнц обрадовался:

— Конечно, спрашивай.

Лин Цзыхань задал множество вопросов — беспорядочно, совсем как полный профан. Перед отъездом психологи и медики из его группы подготовили для него целый список, главной целью которого было обойти второстепенных лиц и вывести на самого авторитетного в этой области — Антино.

И впрямь, Хайнц постепенно перестал справляться с ответами. Тогда он достал аудиоустройство.

Так Лин Цзыхань напрямую заговорил с тем загадочным человеком. Его голос он слышал лишь дважды, но вживую никогда не видел. Из тех коротких разговоров было ясно: Хайнц относится к нему с большим почтением. В этом мире, пожалуй, только Антино и мог заслужить уважение этого высокомерного немецкого аристократа.

Без приборов Лин Цзыхань не мог определить, где находится собеседник, но был уверен: тот им очень заинтересован. Он надеялся, что его сотрудничество в конце концов выманит того на свет.

Человек на том конце провода, судя по всему, был впечатлён:

— Джонни, ты и впрямь умен. Некоторые твои вопросы мне и в голову не приходили, просто открывают новые горизонты. Не сомневайся, если будешь с нами честно сотрудничать, не только страдания твои уменьшатся, но, возможно, и великую пользу обретёшь.

В уголке губ Лин Цзыхана дрогнула лёгкая усмешка:

— Какую пользу? Бессмертие?

— А разве это не великая польза? — улыбнулся собеседник. — Всё, что мы делаем, непременно войдёт в новую «Библию» эпохи. Джонни, и ты станешь одним из святых, пожертвовавших собой ради человечества, будешь почитаться из поколения в поколение, имя твоё пребудет в веках.

Лин Цзыхань равнодушно ответил:

— Стоит лишь подумать, что это почитание — всего лишь код, переданный им машиной, как весь смысл теряется.

Собеседник замолчал, явно не зная, что ответить.

Хайнц рассмеялся, забрал у Лин Цзыхана устройство:

— Ладно, на сегодня хватит. Ещё вопросы есть?

— Нет, — Лин Цзыхань отвернулся к бескрайнему океану, лицо его было холодным. — Когда решите начинать эксперимент, предупредите заранее, чтобы я морально подготовился.

— Обязательно, — мягко сказал Хайнц. — Тогда сообщаю сейчас: первый эксперимент начнётся сегодня вечером. Ужин в шесть, а в десять за тобой придут и отведут в лабораторию.

Лин Цзыхань взял стакан, отпил воды и тихо произнёс:

— Хорошо.

С того вечера для Лин Цзыхана началась адская мука.

Получив его согласие, они перестали бесцельно стимулировать всю нервную систему и перешли к целенаправленным, поэтапным испытаниям. Стоило приборам зафиксировать аномальный пик, они останавливались, подробно расспрашивали Лин Цзыхана об ощущениях, о том, какую именно часть тела задело, и повторяли опыт снова и снова, добывая нужные данные.

Тело Лин Цзыхана стремительно худощавело, лицо побелело. Из-за причудливой боли и неопишуемого дискомфорта он говорил очень медленно. Вне экспериментов он почти не произносил ни слова, целыми днями лежал и тупо смотрел в окно на небо. Однако сознание его оставалось ясным — он не сходил с ума, как прежние подопытные. Эта невероятная сила воли и тело, будто обладающее древней восточной живучестью, повергли всех участвующих в исследовании медиков в изумление и восторг. Они становились к нему всё мягче, начали проявлять даже некоторую заботу.

Каждую ночь Лин Цзыхана уводили в подземную лабораторию, где его подвергали долгим мучениям, а затем возвращали в комнату. Постепенно он всё чаще терял сознание. Даже в моменты ясности он, казалось, утратил интерес к внешнему миру. Когда приходили Хайнц и Джек, он больше не вступал с ними в дискуссии, даже не смотрел на них. Есть он тоже не хотел, поддерживая силы лишь питательными растворами.

Так прошло девять дней. Когда Хайнц снова вошёл в его комнату, он был явно возбуждён. Он сел на кровать, нежно погладил осунувшееся лицо Лин Цзыхана и с улыбкой сказал:

— Джонни, за эти дни мы совершили прорыв. Это поистине вдохновляет.

Лин Цзыхань не шевельнулся. Лишь спустя некоторое время с трудом открыл глаза, посмотрел на него и слабо улыбнулся:

— Поздравляю вас.

Хайнц мягко улыбнулся:

— Всё благодаря тебе. Не будь твоей полной отдачей, мы вряд ли достигли бы таких результатов за столь короткий срок.

Лин Цзыхань медленно закрыл глаза и спустя мгновение тихо произнёс:

— Боюсь, я больше не могу. Я на пределе.

<http://bllate.org/book/16287/1468651>